

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СВЯЗКИ «ЕСТЬ» В БОЭЦИЕВСКОМ КОММЕНТАРИИ
НА ТРАКТАТ АРИСТОТЕЛЯ «ОБ ИСТОЛКОВАНИИ»¹**

Переводы Боэция представляют собой значительный исторический интерес. Известно, что он поставил перед собой великую, хотя и трудно осуществимую задачу: перевести на латинский язык все сочинения Платона и Аристотеля, а также доказать совпадение позиций великих мыслителей в основных вопросах философии. К сожалению, нет никаких признаков того, что существовали произведения Платона в переводе Боэция. Но подтверждением того, насколько обогатили бы средневековую мысль диалоги Платона в переводе Боэция, служат великолепные переводы Аристотеля, а также комментарии к ним. Достаточно сказать, что Боэций перевел почти весь «Органон» Аристотеля и что это был первый перевод данного корпуса на латынь. Также следует отметить, что комментарии Боэция были среди первых латинских комментариев Аристотеля.

По-видимому, Боэций завершил свою работу над трактатом «Об истолковании» Аристотеля в 10-е годы VI века², переведя данный трактат на латынь и написав к нему два комментария – малый в двух книгах и большой в шести. К сожалению, оба комментария до сих пор не переведены на русский язык, поэтому при написании статьи использована исследовательская работа голландского ученого G. Nuchelmans «Secundum / tertium adiacens. Vicissitudes of a logical distinction», Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen Noord-Hollandsche, Amsterdam; New-York; Oxford; Tokyo, 1992.

Прежде чем обратиться непосредственно к комментариям, следует сделать небольшое отступление. Проблема связки «есть» имеет большое философское и логическое значение, и Аристотель, по-видимому, первым рассмотрел ее достаточно подробно. В начале своей книги «Об истолковании»³ Аристотель различает имя («...имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает»)⁴ и глагол («Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином»)⁵. При этом Аристотель отмечает, что если глагол произносится

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 03 -03-00459а.

² Nuchelmans G. *Secundum/tertium adiacens...* // Amsterdam; N.Y.; Oxford; Tokyo, 1992. С. 338.

³ Аристотель. *Об истолковании* // Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1978.

⁴ «Об истолковании», 2.

⁵ «Об истолковании», 3.

сам по себе, то он употребляется как имя, что-то обозначающее, но ничего не говорящее о том, существует что-то или нет. «Имена и глаголы сами по себе подобны мысли без соединения и разъединения, например: “человек” или “белое”; когда же ничего не прибавляется, нет ни ложного, ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и “козлоолень” что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] “быть” или “не быть” – либо вообще, либо касательно времени»⁶. Таким образом, имена сами по себе и глаголы сами по себе могут выражать лишь незавершенные мысли. Только через соединение имен с глаголами возникает выражение законченной мысли, в котором назван предмет мысли (имя) и выражено соотношение содержания мысли с действительностью (глагол). И только соединение имени и глагола делает мысль такой, которая может определяться как истинная или ложная. Поэтому, как говорит Аристотель, «каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или изменение глагола во времени, ведь и речь о человеке не есть высказывание до тех пор, пока не присоединено “есть”, или “был”, или “будет”, или нечто подобное»⁷.

В десятой главе трактата «Об истолковании» Аристотель обсуждает способы, которыми высказывания могут быть объединены в пары контрадикторных («противолежащих по диагонали»)». Выделенные им группы высказываний можно условно разделить на три вида:

1) Высказывания, содержащие предикат существования, например: «человек есть».

2) Высказывания, в которых глагол «есть» – связка, приписывающая субъекту атрибут, например: «человек есть справедливый».

3) Высказывания, как бы содержащие «есть», а именно: «[он] здравствует», «[он] ходит».

Без присоединения «есть», «был» или «будет» слово «человек» не будет высказыванием. «Без глагола нет никакого утверждения или отрицания»⁹. Аристотель не выделял тот элемент утверждения, который впоследствии был выделен в виде связки, относя его к сказуемому. Т.е. Аристотель рассматривал два вида сказуемого – простое («человек есть») и составное («человек есть справедливый»).

По-видимому, первым выделил связку «есть» как отдельную составляющую высказывания Александр Афродисийский. В дальнейшем эту проблему рассматривали такие греческие авторы, как Аммоний и Стефан, а одним из первых латинских комментаторов стал Бозций. Рассмотрим оба его комментария на трактат «Об истолковании», а точнее, некоторые существенные положения, затрагиваемые в них.

---

⁶ «Об истолковании», 1.

⁷ «Об истолковании», 5.

⁸ «Об истолковании», 10.

⁹ Там же.

Начнем с первого (малого) комментария. Высказывания, содержащие предикат существования «есть», и высказывания, содержащие «есть» как грамматическую связку, Бозций рассматривает, соответственно, как высказывания с одним субъектом и одним предикатом и высказывания с одним субъектом и двумя предикатами. К примеру, в высказывании «*Homo justus est*» («Человек есть справедливый»), «*homo*» – субъект, тогда как «*est*» и «*justus*» – предикаты.

Обратимся к 19b 21-22 «Об истолковании». «Я имею в виду, например, “человек есть справедливый”; [здесь] “есть”, говорю я, составляет третью часть высказывания как имя или как глагол»¹⁰. Бозций отмечает, что причиной, по которой Аристотель рассматривает глагол «*est*» как третий присоединенный компонент (*tertium...adiacere*), служит тот факт, что «*homo*» и «*justus*» представляют собой два компонента, к которым глагол «*est*» присоединен (*adicitur*). Далее Бозций истолковывает фразу «*nomen vel verbum*» («имя или глагол»), указывая, что в 16b 20 «итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают (ибо тот, кто говорит их, останавливает свою мысль, а тот, кто слушает, внимает им)»¹¹, Аристотель утверждает, что глаголы (высказанные сами по себе) тоже являются именами. Особого внимания заслуживает то, что Бозций выбирает выражение «*tertium adiacere*» («присоединять третье») для перевода греческого «*triton sungkeishai*»¹² как наиболее подходящее к случаю возможной неопределенности в 19b 19-20 «Когда же “есть” присоединяется как третье, тогда противопоставления могут сказываться двояко... [здесь] “есть”, говорю я, третья часть высказывания как имя или глагол»¹³. С одной стороны, данный пункт можно прочесть как «“*est*” *tertium (adiacens praedicatur)*», рассматривая «*adiacens praedicatur*» («присоединяемое сказывается») как перевод «*proskatagorethei*»¹⁴. Но в свете перевода Бозцием 19b 21-22 возникает искушение прочесть данное выражение как «“*est*” (*tertium adiacens*) *praedicatur*», в котором «*tertium adiacens*» имеет то же значение, что и «*triton sungkeimenon*»¹⁵.

В начале второго (большого), более подробного комментария Бозций отмечает, что Аристотель после обсуждения высказываний, состоящих только из двух терминов, переходит к высказываниям, в которых «есть» вводится как третий компонент. В подобных высказываниях, например, «*Homo justus est*», «*homo*» – субъект, а «*est*» и «*justus*» – предикаты. Затем Бозций делает несколько примечаний к предложению

---

¹⁰ «Об истолковании», 10.

¹¹ «Об истолковании», 3.

¹² Латинская транскрипция греческих слов дана по *Nuchelmans G. Secundum/tertium adiacens... Amsterdam; N.Y.; Oxford; Tokyo, 1992. С. 339.*

¹³ «Об истолковании», 10.

¹⁴ *Nuchelmans G. Secundum... С. 339.*

¹⁵ *Nuchelmans G. Secundum... С. 340.*

«Quando autem “est” tertium praedicatur» («Поскольку “есть” сказывается третьим присоединенным»). Во-первых, данные слова не означают, что «est» – третий предикат, но скорее то, что «est» добавлен как третий компонент («adiacet tertium et praedicatur» – «придается и говорится третье»). «Tertium» относится к «adiacere», таким образом, «est» все-таки является третьим компонентом, но не третьим, а только вторым предикатом. Т.е. в этом предложении говорится не о том, что «est»-третий предикат, а о том, что «est» – предикат, добавленный как третий компонент или как занимающий третье место («non quoniam tertium praedicatur, sed praedicatur tertium adiacens, id est, tertio loco»). В общем, Аристотель рассуждает о высказываниях, в которых «est» является третьим компонентом и вторым предикатом («in quibus ‘est’ tertium adiacens secundum praedicatur»). Вне всякого сомнения, Боэций употребляет «adiacere» в качестве «sungkeisthai»¹⁶ и «tertium adiacens» как «triton sungkeimenon»¹⁷. Он читает «“est” tertium adiacens praedicatur» как «“est” (tertium adiacens) praedicatur».

Комментируя 19b 21-22, Боэций отмечает, что в «“est” tertium adiacens praedicatur» слово «tertium» следовало бы понимать не как относящееся к предикации, а скорее как относящееся к общему контексту. Это, по Боэцию, объясняет, почему Аристотель в 19b 21-22 не говорит, что «есть» – третий предикат, но утверждает, что оно добавлено как третья составляющая, в соответствии с расположением («ad ordinem»); таким образом, что-то, с одной стороны, добавляется как третий компонент, а с другой стороны, оно дополнительно предидируется, не просто утверждается («ut tertium quidem adiaceret, adiacens autem praedicatur id est non simpliciter praedicaretur»). Таким образом, в «Homo est iustus» мы имеем два термина, а именно «homo» и «iustus», тогда как «est» – не термин, а знак качества всего высказывания, дополнительно предидируемый элемент и третий присоединенный компонент («quod adiacens praedicatur et tertium adiacens»). Фразе «nomen vel verbum» Боэций дает такое же толкование, как и в малом комментарии. Следует также отметить, что во втором комментарии Боэций, очевидно, используя «adiacere» для обозначения «proskeisthai» в 19b 25: «я имею в виду, например, что “есть” может примыкать или к “справедливому”, или к “несправедливому”, а поэтому и отрицание будет [присоединено двояко]»¹⁸ и 19b 30: «здесь “есть” и “не есть” примыкают к “справедливому” и к “несправедливому”»¹⁹, переводит его также как addere, adponere, copulare, iungere cum, ponere cum.

---

¹⁶ Nuchelmans G. Secundum... С. 341.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Об истолковании», 10.

¹⁹ Там же.

В заключение хотелось бы привести примеры боэциевских обозначений предиката существования «есть», связки «есть» и «номинального предиката»²⁰.

Предикат существования «есть»:

tantum (solum), non etiam adiacens; per se praedicatur; simpliciter praedicatur.

Связка «есть»:

secundum praedicatur; secundo loco et adiacens 'iusto' praedicatur; tertium in tota propositione praedicatur; secundo loco et quodammodo acciderent praedicatur; adiacens praedicatur; adiacens 'philosopho' praedicatur.

«Номинальный предикат»:

praedicatur; principaliter praedicatur.

Следует отметить, что использование Боэцием одного глагола «*adiacere*» для перевода трех различных греческих выражений привело к неопределенности в предложении «*“est” tertium adiacens praedicatur*». Этот «порочный круг» тем более неудачен, потому что поздние средневековые авторы полностью полагались на перевод Боэция, не имея возможности сравнить его с подлинным греческим текстом Аристотеля.

Выделение Боэцием различных интерпретаций связки «есть» стало одной из актуальных проблем традиционной и в дальнейшем математической логики. Но проблема не находит решения в классическом смысле. Интерпретация связки «есть» по-прежнему объект постоянного обсуждения в различных логико-философских направлениях и школах.

---

²⁰ *Nuchelmans G. Secundum... С. 341.*